

**Наталья
ВЕСЕЛОВА**

**Галактика
вранья**

Наталья Веселова
Галактика вранья

«Автор»

2009

Веселова Н. А.

Галактика вранья / Н. А. Веселова — «Автор», 2009

Одиннадцатилетняя девочка Сашенька случайно оказывается свидетельницей странного преступления. Она хочет помочь своей матери в неведомой беде и готова жертвовать собой. Но у взрослых много пугающих тайн, а дети — не всегда любимые и желанные...

© Веселова Н. А., 2009

© Автор, 2009

Наталья Веселова

Галактика вранья

*О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.*

О. Мандельштам

Глава первая

Безумная ночь

Машина то и дело ворчала и дергалась. Когда за рулем сидела мама, бывало совсем не так: она говорила, что «десятка» их старенькая, даже старше, чем Незабудка, а и у той мордочка уже совсем седая. «Незабудку ведь мы жалеем – вот и машину должны пожалеть, а то она не захочет больше нас возить, а новую купить все равно не на что». В сущности, из-за Незабудки Сашенька и вляпалась негаданно в эту подозрительную историю, явно не сулившую ничего хорошего, потому что, если Зинаида Михайловна заметит, то... даже думать не хотелось о том, что будет дальше... Да какая там Зинаида Михайловна! Сашенька осторожно потрясла под пледом головой (точно так же всегда делала ее мама, когда хотела избавиться от неправильных мыслей): пора было перестать притворяться хотя бы перед самой собой – никакой не Зинаидой Михайловной она давно звала про себя эту хитрую и подлую тетку, а Резинкой – закономерно выросшей из Зинки.

Резинка свирепо дергала переключателем скоростей, а ногами проделывала с педалями что-то такое, отчего даже видавшая виды мамина «десятка» каждый раз захлебывалась от оскорбления и вскрикивала, словно ее пытали. Так, наверное, и есть, сочувственно думала сжавшаяся под горой одеяла на заднем сиденье за спиной водителя Сашенька. Впрочем, если на то пошло то никакая и не Сашенька – так она только сама себя называла, а все остальные, включая и маму, неизменно звали Сашкой – правда, если мама хотела выразить недовольство, то звала дочь Александрой, трагически раскатывая неуместное в девичьем имени «р». А отчим отстраненно называл дочь жены Девочкой – когда в разговоре с мамой изредка считал нужным вскользь упомянуть ее: «Получше бы следила за Девочкой – опять в ванной вода на полу. – Я сейчас... – немедленно срывалась с места мать, с изменившимся лицом кидаясь за китайской шваброй. – Александр-ра! Сколько раз я могу тебе повторять!..». Непосредственно к Сашеньке отчим никогда не обращался – сначала ей казалось, что он намеренно демонстрирует таким образом царственное пренебрежение к малявке, но потом откуда-то стало ясно, что ее действительно не существует для этого ослепительного, как снег под безоблачным январским небом, красавца северных кровей.

Отчим, Семен Евгеньевич Суворов, появился в доме четыре года назад, когда Сашенька только что закончила первый класс – и сразу стал для падчерицы источником захватывающих дух восторгов и столь же интенсивных терзаний. Невозможно было не испытывать священного трепета перед человеком, словно сошедшим во всем великолепии с победоносного корабля викингов: росту в нем было, по Сашенькиным подсчетам, около двух метров – причем, подсчеты имели место в реальности: она долго прикидывала, на сколько сантиметров голова отчима не достает до верха их югославской стенки, а потом не поленилась взять рулетку, залезть на табурет и измерить получившуюся величину. После всех необходимых арифметических действий, тщательно выполненных на калькуляторе, получилось 196 сантиметров –

да еще если учесть, что торс викинга представлял собой почти классический треугольник, то выходило, что Семен Евгеньевич – готовая кандидатура на обложку мужского журнала. Впрочем, голова туда не совсем годилась. Как подметила Сашенька, скитаясь иногда вокруг газетных ларьков (с целью попросить, но так ни разу и не решившись этого сделать, таинственный журнал для девушек, над которым на переменах шептались старшеклассницы), для обложки требовался мужчина, бритый дня три назад – а отчим ее был обладателем светлой курчавой бородки, обрамлявшей твердый подбородок и тонкие губы, – и таких же волос, умеренно коротко подстриженных. Гордый нос с аристократической горбинкой явно принадлежал потомку знатной фамилии, а глаза... Сашенька не знала, как их описать, если кто-то вдруг спросит. Ну, вот если бы вдруг два кусочка неба – только не жаркого, летнего, а такого, как в стихотворении Пушкина про мороз и солнце, – превратились бы вдруг в две льдинки – то, пожалуй, получилось бы что-то похожее на глаза дяди Сени. Это мама велела его так называть – четыре года назад, но Саша только один раз попробовала – и сразу стало ясно, что повторять попытку бесполезно – себе же больней сделаешь.

В тот вечер, когда мама, как всегда, вела свой платный прием, а отчим, тоже как всегда, работал у себя в кабинете, у Сашеньки в комнате вдруг перегорела лампочка – вдруг зазвенела-зазвенела, потом – пырк! – и темнота. Девочка знала, что запасные лампочки хранятся у мамы в стенке, за дверцей наверху – надо только старую вывинтить – кому, как не дяде Сене! Она трусцой перебежала прихожую – там, между шкафом и стенным выступом, было оборудовано нечто вроде спаленки для мамы (она называла это пространство «светелкой») – оттуда попала в темную гостиную – и, прокравшись по паласу, нерешительно замерла перед застекленной дверью кабинета отчима. Матовое стекло мерцало зеленым: на широком письменном столе горела уютная антикварная лампа под плоским стеклянным абажуром. Отчим не знал, что в одном из матовых квадратиков на двери падчерица давно еще процарапала маленькую прозрачную полосочку специально для подглядывания, но сейчас она подсмотреть туда не посмела, на полном серьезе испугавшись, что звук сердца, оголтело колошматившего по ребрам, будет слышен не только в кабинете, но и на улице. Она еле слышно постучала, почти поскреблась в дверь. Ответа не последовало. Сашенька еще раз поскреблась и для пущей убедительности добавила вполголоса: «Дядя Сеня!». Эффект прежний. Тогда она, не сознавая вполне своей дерзости, осторожно потянула ручку – и дверь бесшумно приотворилась, явив взгляду пустой письменный стол с чернильным черного мрамора прибором девятнадцатого века и горящей лампой, ему ровесницей, слегка модернизированной в угоду электричеству.

Семен Евгеньевич никогда за столом не работал: он делал это, сидя на своем кожаном диване и придвинув к нему наклонную конторку с укороченными ножками. Пачка бумаги лежала рядом с ним, а на конторке помещался только один лист. Исписав его своим отрывистым почерком, способностью понимать который была наделена лишь мама, Семен Евгеньевич тотчас же, не глядя, бросал его на пол и брал себе из пачки следующий; когда и на нем не оставалось места, его постигала та же участь – и к приходу мамы от последнего пациента весь пол кабинета оказывался усеянным разрозненными листами рукописи. Отчим никогда не нумеровал их (мама однажды попросила об этом, но он ответил, что не намерен отвлекаться от работы на какие-то цифры), и поэтому мама тратила не меньше часа, чтобы сложить их подряд – сверяя по смыслу последнюю строку каждой страницы с первой на всех оставшихся. После ужина она садилась к компьютеру и бойко перепечатывала все, созданное мужем за день, – и так каждую ночь, потому что иначе неотпечатанного материала накапливалось слишком много, и сидеть за компьютером приходилось не в пример дольше. Потом, когда рукопись была готова, из пасти принтера выскальзывали один за другим красивые, как в книге, листы – но и они постепенно теряли привлекательность, подвергаясь беспощадной чернильной правке, размашисто делаемой отчимом – тогда очередной ночью мама выправляла на компьютере текст, он

снова шел на доработку, и так до тех пор, пока Семен Евгеньевич не объявлял, что работа закончена и пора уже отправлять ее в издательство...

Вот почему Сашенька сразу не увидела своего викинга, когда робко заглянула в образовавшуюся щелочку. Она сделала ее пошире – и тогда ей стало доступно видение холодного строгого профиля над конторкой. Лицо вдохновенного творца как бы испускало сдержанное бледное сияние – и девочка благоговейно прошептала: «Дядя Сеня! У меня в комнате лампочка перегорела!». Не глядя на нее, он медленно поднялся и, на миг словно заняв собой все весьма ограниченное помещение, не торопясь, тронулся – именно тронулся, как теплоход, отчаливший от пристани, – в сторону двери. Сашенька спешно посторонилась, намереваясь дать ему дорогу – но отчим дошествовал только до выхода из кабинета. Мелькнула большая длинная рука – и дверь неслышно закрылась перед удивленным носом девочки. Всё. Неторопливые шаги проследовали в обратном направлении. Вечером она услышала из кухни: «Добейся, пожалуйста, чтобы Девочка не мешала мне работать». Добиваться маме не пришлось: как ни мала была еще тогда Сашенька, а сразу догадалась, что ни при каких обстоятельствах не дождется отклика от отчима – может быть, даже если будет умирать: он раз и навсегда решил для себя, что она не имеет к нему никакого отношения, что ее словно бы нет, так же, как и Незабудки.

Незабудкой звали кошку из породы сиамских, а имя свое она получила за цвет глаз, голубей которых, казалось Сашеньке до явления отчима, быть на свете не может. На беду свою, кошка оказалась не такой умной, как девочка, и, многожды проигнорированная, не прекратила своих домогательств по отношению к новому домочадцу. Быстро съедая разрекламированный хрустящий корм, оставленный утром мамой, Незабудка в середине дня начинала громко требовать следующую порцию, и, если младшая хозяйка уже возвращалась из школы, то насыпала ей из коробки разноцветные комочки сухой еды. Отчим на просьбы кошки никак не реагировал, но по каменному выражению лица было видно, что настойчивый мяв, раздающийся из широкой розовой пасти, донимает его до глубины души. Однажды кошка имела глупость затребовать пищу, когда Семен Евгеньевич вышел на кухню выпить чаю с печеньем, а Сашенька, вернувшись, только еще раздевалась у двери. Коробка с кормом стояла на кухонном столе, и он мог мгновенно протянуть свою длинную руку и насыпать горстку «катышков» в тут же стоявшую кошачью миску – заняло бы все не более десяти секунд, и терзающий уши Незабудкин рев в тот же миг утих бы. Но Сашенькин поддельный папа предпочел произвести ряд гораздо более трудоемких действий. Он не погнушался нагнуться, небрежливо сгрести Незабудку за шкуру – и на глазах у недоумевающей падчерицы вынес кошку в коридор, открыл дверь ванной и без всякого гнева или истерики зашвырнул туда животное, причем, с намерением или нет – но сделал это так, что оно с размаху ударилось головой о чугунную ванну. Кошка только хрюкнула – но этого Семен Евгеньевич уже не слышал, потому что отвернулся, когда она была еще в полете. Как всегда, глядя мимо Сашеньки, он степенно удалился по коридору, а остолбеневшая на время действия девочка кинулась спасать свою любимицу. Та была жива, но оглушена и ненормально расслаблена. Сашенька навсегда запомнила расширившиеся зрачки ее выпученных глаз и вязкую струйку слюны вдоль вываленной мокрой тряпки языка. Незабудка пролежала у Сашеньки на кровати два дня, отказываясь от еды и лишь жадно глотая воду, – а потом постепенно оправилась, навечно сохранив панический ужас перед Семеном Евгеньевичем: едва заслышав его шаги или голос, она молниеносно исчезала под мебелью, а если Сашенька на руках проносила ее мимо двери, за которой находился отчим, то начинала припадочно биться и шипеть.

О поступке красавца-викинга дочка, поколебавшись, все-таки нерешительно доложила маме, постаравшись смягчить краски, особенно рассказывая о равнодушном садизме ее мужа. Мама рассердилась: «Это ни в какие рамки, в конце концов, не влезает! Знаешь, Александра, твои фантазии начинают переходить всякие границы!».

Насчет фантазий это была сущая правда: не то чтобы Сашеньку можно было назвать записной врушкой – просто порой так скучно становилось ей жить на немудрящем свете среди непритязательных людей, что отчаянно хотелось внести толику неопасного приключения, чуть подкрасить мутно-серый фон своего незаметного существования. Ведь мог же и на самом деле сегодня, например, следить за ней после школы какой-то подозрительный дядька – и неумело прятаться за водосточной трубой. Она действительно оборачивалась на улице и почти что видела его – в неброской коричневой куртке и обязательных черных очках, чтоб не опознали бдительные прохожие... Она так и говорила маме: кажется, это был маньяк, но я его перехитрила... Мама сначала пугалась и давала дельные советы относительно людных улиц и пустых подворотен – но вскоре обнаружила, что все маньяки и маньячки Петербурга словно стоворились преследовать ее неосторожную дочь – и махнула рукой, тем более, поняв, что встретиться дочке на жизненном пути настоящий охотник за детскими прелестями – и она, пожалуй, и правда сумеет обвести его вокруг своего тощенького пальчика.

Как и у многих заброшенных интеллигентских детей – а Сашенька относилась именно к этой счастливой категории – у нее давно уже был тщательно придуман и по кирпичику выстроен собственный параллельный мир, легко доступный и всегда спасительный. И в нем она, прежде всего, была любима. В три года – рыжекудрым Аликом Кругловым из параллельной группы, в четыре – артистом, который играл Терминатора (скорей всего – самим Терминатором), в пять – старшим братом-школьником своей подружки по двору Вальки, в шесть – неизвестным мальчиком-спортсменом, ежедневно тренировавшимся с папой на соседней спортплощадке, в первом классе – молодым учителем физкультуры Павлом Олеговичем – всем им она была верна подолгу, не меньше полугода, и в параллельном мире отношения имела отнюдь не платонические – в меру своих представлений в соответствующем возрасте – а уж целовалась, конечно, со всеми. В том же мире иногда можно было набрести на прибудившего героя из недавно прочитанной книги – а книг в их доме водилось великое множество, зато на компьютере поставлен был мамой секретный пароль, открывавший Сашеньке доступ в заранее придуманный кем-то иной мир только на ограниченное и подконтрольное время. Да не больно-то ей, по правде, и надо было! По сравнению с ее параллельным, этот виртуальный смотрелся просто как бледная поганка рядом с красным мухомором. А вот в конце первого класса повелительница миров попала в засаду.

Очередным иномирным возлюбленным Сашеньки закономерно должен был стать дядя Сеня – отбросивший там противное приложение «дядя» и превратившийся в ласкового и понимающего партнера по первым эротическим мечтаниям и романтическим прогулкам вдоль побережья Финского залива. Как «папу» она его никогда не воспринимала, твердо усвоив, что таковой ей не полагается: он бросил маму еще до ее, Сашенькиного, рождения, и эта тема была в ее сердце инстинктивно закрыта – возможно, из подспудного стремления оградиться от одной лишней потери. Но ведь возлюбленные появлялись в Сашенькином Зазеркалье не просто так: каждый приходил со своей историей. Алик, например, падал на прогулке и разбивал себе коленку, а Сашенька ее перевязывала; Терминатора она встречала во время войны (ее тоже следовало заранее в деталях придумать) под вражеским обстрелом, Валькиному брату помогала написать домашнее сочинение, за которое он получал «пятерку», спортсмена вовремя спасала от бешеной собаки, а Павел Олегович попросту влюблялся на уроке в свою привлекательную ученицу и сам признавался ей в любви: возрастных препон в Иномирье не существовало. Когда краски Павла Олеговича немного полиняли под обаянием красавца-отчима, проблема оказалась неразрешимой: не могла же она заставить его в своем мире разлюбить маму и предпочесть ее! Куда тогда девать маму? Сделать так, чтобы он маму с ней обманывал? Стыдно! Придумать, чтобы мама умерла? Это уж совсем... того... И Сашенька начала страдать по-настоящему, словно на нее обрушилась несчастная любовь. Странное дело! Ведь предыдущие ее любви («ненастоящие», как она искренне думала про все минувшие, достигнутая новой),

в жизни тоже были абсолютно безответными, но в своей стране она могла переживать любые страсти – и это полностью заменяло ей безотрадность Реальности. Семена туда было никак не загнать, не пойдя на гнусную сделку с совестью – и потому он как-то неприятно застрял на целых четыре года между тем миром и этим, в этом оставаясь для нее отстраненным, высокомерным и даже где-то опасным человеком, а в тот никак не помещаясь из-за материнских к нему чувств. Ах, если б мама сама его разлюбила! Как бы приятно было там, у себя, его пожалеть! Даже если б мама его после «разлюбления» выгнала из дома, и въяве Сашенька его бы никогда больше не увидела – для параллельного мира такие мелочи значения не имели...

Чтоб выяснить, не идет ли к тому дело, она иногда стеснительно подслушивала – то у кабинета, когда туда входила мать, то у кухни, когда она там кормила мужа, вернувшись с работы. Но с этим девочке как-то не везло. То ей доставалось услышать окончание уже начатого разговора: «Если бы хоть сколько-нибудь денег приносило... Хоть за квартиру платить, что ли... А то ведь в таком режиме ненадолго меня хватит...». «Ну, извини, я не виноват, что миром правят деньги». «Я же не говорю про штампованные серийные книжки... Просто чуть-чуть посовременней, подинамичней, что ли...». «Знаешь, дорогая, я не бизнесмен, а писатель. Вдохновением не торгую. Уволь-с», – и она на цыпочках отходила вглубь квартиры, зная, что дальше слушать бесполезно – речь идет о скучных взрослых вещах. То вдруг они говорили о чем-то вырванном из контекста и от этого совершенно утратившим смысл: «... бабке с дедом. Потому что твой этот псевдоподвиг уже превращается в абсурд». «Я не могла иначе, и теперь уже ничего не исправишь. Много раз переговорено – почему не перестать?». «Нет, мне просто интересно – неужели ты сама до сих пор не пожалела?». «Пожалела. Ты сам знаешь, что пожалела. Только не могу в собственных глазах оказаться мерзавкой». «Чем дальше ты с этим тянешь, тем большей мерзавкой становишься. Например, по отношению ко мне...». «Да ты бы их только видел! Ни искры интеллекта в глазах! Думаешь, я тогда еще не колебалась?! Но что они дадут... Какое-нибудь текстильное ПТУ – и еще гордиться будут, благодарности потребуют... Жалко, понимаешь?». «А меня тебе не жалко? А нас тебе не жалко? Я поражаюсь вашему женскому эгоизму – ни одной глубокой мысли о чем-нибудь, только носитесь с мелочами, как курица с яйцом...». «Ну хорошо, хорошо, я что-нибудь придумаю, только не могу вот так сразу... Может, после лета, а? Домик в деревне, а там уже естественным образом, без насилия...» – тут Сашеньке казалось, что неторопливые шаги отчима приближаются к двери, и она бесшумной стрелой перелетала гостиную, успев нырнуть в свою комнату и даже усесться за стол над раскрытым учебником еще до того, как дверь открывалась... Нет, никаких предвестников того, что мама собиралась разлюбить Семена Евгеньевича, эти разговоры Сашеньке не посылали...

Маме, впрочем, попросту некогда было разлюбить своего мужа, потому что, встав в половине седьмого утра, она до ночи не имела возможности «даже присесть с чашкой кофе», как сама выражалась. Утром она наскоро приводила себя в порядок, что означало для нее озабоченную беготню по квартире в полуодетом виде – то со щипцами для волос, то со щеточкой от туши, то с горячим утюгом в руке – между ванной, где судорожно красилась, закутком, где торопливо разбрасывала по своей тахте блузки и юбки, и кухни, где ей надо было успеть приготовить завтрак для мужа, чтобы, проснувшись, по обычаю, около полудня, он мог сразу подогреть еду в микроволновке и, не теряя даром вдохновения, немедленно приступить к ежедневной творческой работе – или отправиться, как часто случалось, на одну из своих долгих пеших прогулок по городу, из которых черпал, по его словам, необходимые сюжеты и образы для романов. С девяти до трех мама работала в неврологическом отделении больницы, на фронтоне которой еще в начале прошлого века было ясно написано: «Для бедных» – понятно, что несчастные бедняки дорого за свое лечение не платили, и поэтому мама с четырех до восьми добросовестно отсиживала в поликлинике при том же богоугодном заведении еще и вечерний хозрасчетный прием, приносивший едва ли больше дохода. С трех до четырех у нее

при этом хватало энергии добежать до дома, наскоро покормить немудрящим обедом мужа и дочь и даже просмотреть и подписать Сашенькин дневник или проверить ее упражнение по русскому. После вечернего приема у мамы иногда оказывались еще два или три частных пациента, которых следовало посетить на дому, зачастую в разных концах города – зато прибыток поступал не на кусочек пестрого пластика в конце месяца, а прямо в руку, в виде нескольких красивых фиолетовых бумажек. «Вот, заработала тебе на сигареты!» – радостно кричала она мужу, с порога протягивая деньги, как задобрительную жертву, если видела его недовольное поздним приходом жены лицо. Он рассеянно прятал бумажку в карман новых нарядных джинсов и бормотал: «И когда мы только как люди начнем жить...». Сразу же следовало кормить Семена горячим обильным ужином, потому что после целого дня напряженной умственной и душевной работы за конторкой он к ночи испытывал нешуточный голод и нетерпеливо переминался на кухне, пока мама суежилась со сковородками. После ужина начинался разбор его бумаг в кабинете и их компьютерная перепечатка...

Сашенька к тому времени уже давно безмятежно спала, сама себе приготовив нехитрую вечернюю еду и мирно поужинав в своей комнате за книжкой. Если ночью ей случалось вставать в туалет, то неминуемо приходилось идти по коридору мимо маминого закутка – и тогда при свете бра, которого мама так ни разу и не выключила, Сашенька видела всегда одну и ту же картину: мама в лохматом махровом халате, очень тихо, как неживая, спала поверх своего одеяла, с ногами, прикрытыми шерстяным пледом, и с почти неподвижной книжкой на груди. Минуя, девочка осторожно выключала раскаленное бра. Она знала, что мама через пару часов проснется из-за неудобной позы и тогда уже в темноте наденет ночную рубашку и перележет под одеяло как следует...

Интересно, а сколько получает Семен за свои книги, размышляла, вернувшись в кровать, Сашенька. Наверное, много, думалось ей, ведь писатели – народ богатый... Тогда куда же он деньги деваает? Почему еще и от мамы берет? Или это шутки у них такие? непохоже... И ей начинало вдруг смутно казаться, что она просто, должно быть, всего не знает, а мама считает ее маленькой и ничего ей не говорит. А на самом деле, отчим только притворяется обычным писателем, а сам пишет какую-то трудную ответственную работу про новое оружие, которую нельзя до времени рассекретить, а то враги прознают и убьют его. Отсюда и эти странные отлучки Семена Евгеньевича – он ходит собирать нужную ему информацию. А не пускает он Сашеньку к себе в кабинет и всячески ее отталкивает, потому что думает, что она еще несмышленное дитя – увидит что-нибудь, проговорится подружкам – и тогда всем конец. Не знает, что на нее можно положиться: она спортсмена от бешеной собаки спасла и вместе с Терминатором против захватчиков воевала... А потом, когда секретная работа отчима будет закончена, он получит за нее много денег – вот тогда они и заживут «как люди», мама перестанет надрываться за двоих, будет только отдыхать да для собственного удовольствия принимать на дому частных пациентов... И тогда Сашенька подойдет к маме, хитро улыбнется и скажет: «А я ведь давно все знала, только не говорила: вы все равно бы меня слушать не стали!». Мама поцелует ее в голову, чего давно уже, почти четыре года (Сашенька считала), не делала, и ответит, что она умница, умеет хранить государственные секреты, и теперь они всегда станут ей доверять...

В любом случае, Сашеньку никто не трогал, не мешал ей уединенно проводить время с книгами и мечтами, пугающее словосочетание «воспитательный процесс» ассоциировалось только с трехэтажной одиннадцатилеткой во дворе – но и там Сашенька предпочитала держаться в тени, довольно легко схватывая учительские объяснения на уроках, но предусмотрительно не выпячивая свои, в общем, незаурядные способности, чтобы избежать пристального взрослого внимания и под «процесс», как под танк, не угодить. Ее главная жизнь – и в школе, и дома – текла по недоступному посторонним руслу, и настоящие Сашенькины герои и друзья не могли быть ни отняты, ни украдены – а то, что происходило вовне ее личного мира, особого значения не имело. Пока не появилась в самом начале осени Зинаида Михайловна.

Какая она была красивая! А росту какого! Почти с Семена Евгеньевича! Ну, нет, поменьше, конечно, но все равно – впечатляло. Мама рядом с ней казалась крошечной мышкой-полевкой – да еще и мельтешила, суетилась, пищала что-то жалобное, собирая на стол угощение – тоже, наверное, неловко себя почувствовала, увидев гостью... Да и то сказать – при их-то с мамой мальчишеской комплекции, коротких блондинистых стрижек да одинаковых плоских грудках, оказаться по соседству с пышной, высокой и осанистой дамой, обладательницей темной кудрявой гривы до пояса, небрежно заколотой бриллиантовым полумесяцем, расписных сверкающих ногтей и множества экзотических браслетов – значило мгновенно ощутить себя даже не курочкой Рябой, а щипаным воробышком... Сашенька как застыла на пороге комнаты, глядя на женщину, вальяжно раскинувшуюся на диване с чашкой кофе и лучшим в доме блюдцем в руках, – так и стояла там очень глупо, пока мягкая мамина рука не подтолкнула ее в направлении коридора, в ответ на мужнино: «Катя, забери Девочку, пожалуйста...».

Дверь тихо закрылась за ней, но не было на свете силы, заставившей бы в тот момент Сашеньку покорно проследовать по коридору в свою комнату, а не прильнуть со страстью к такому же стеклянному прямоугольничку, проскобленному в свое время на двери гостиной, какой был приспособлен и для подглядывания за Семеном Евгеньевичем в его кабинете. Звуки вежливых голосов потускнели – да и дела там обсуждались все те же непроницаемо взрослые: Сашенька точно знала, что ничего ни интересного, ни полезного для себя не услышит, и поэтому лишь смотрела, едва дыша, сквозь незаметную другим царапинку на необычную женщину, ничуть не похожую ни на одну из маминых подруг, что до появления Семена Евгеньевича по выходным забегали к маме... Смутно-притягательной опасностью веяло от нее – от низкого красивого голоса, от уверенных жестов, от раскованной, но изысканной позы, от приветливой многозубой улыбки... Неинтересные слова, произносимые Зинаидой Михайловной, доносились до Сашеньки весьма отрывочно, ничуть не облекаясь в смысл: «Ну конечно, необходимо... Не такие уж и большие деньги, чтобы их не найти... Зато я профессионал... Элитная литература... Шедевр, сами, понимаете, требует золоченой рамы... Простите, не для быдла... Никому не доверю, сама напишу... Разумеется, согласуем... Ну, начнем вот с этого последнего, а там... Без книги все равно не примут... Само собой, вхожа... Прислушиваются, как же иначе... Окупится сторицей – будьте уверены...».

Смешанные чувства она вызывала – вот бы посмотреть, какого цвета у нее глаза... Но дама так же естественно, как и отчим, не обратила на Сашеньку никакого внимания, даже когда спустя часа полтора прощалась с хозяевами у дверей. Она и взглядом по девочке не скользнула, не просюсюкала для приличия, как это обычно принято у взрослых – для услады родителей, что-нибудь вроде: «Чудесный ребенок! Сразу видно, талантливая девочка, вся в маму!». Через некоторое время после ее ухода мама как бы вскользь обронила при Сашеньке, что повезло им с этой Зинаидой, потому что она теперь, как будто, собирается для «дяди Сени» хорошенько потрудиться – может, тогда все и обернется еще в лучшую сторону...

– А кто она такая? – осмелилась спросить Сашенька...

– Да ты все равно не поймешь... – на бегу пожал плечами мама. – Ну, помогает книги печатать, статьи пишет вступительные, комментарии, редактирует тексты...

– А что такое «редактирует»?

– Я же говорила, не поймешь! Да это тебе еще и незачем... – и на том вопрос о статусе новой знакомой был решительно исчерпан.

Сашенька колебалась несколько дней, не зная, стоит ли каким-нибудь боком запихнуть Зинаиду в свой карманный Иномир, но места для нее там пока не находилось, и девочка на время отложила даму про запас, предполагая дать ей там роль сразу же, как только подвернется подходящая вакансия.

А между тем, Зинаида у них в доме начала появляться регулярно. Сашеньке почти никогда не приходилось на нее нарываться, потому что таинственная посетительница ухитрялась

ускользнуть до возвращения подневольной школьницы, – но следы ее недавнего присутствия девочка чувствовала всегда – другое дело, что доказательств, что чувства ее не ошибочны, долго получить не могла... Витал в гостиной и прихожей какой-то тончайший, неуловимейший – не запах даже, а дух – холодный, почти морозный – и это когда прела под непонятно жарким сентябрьским солнцем палая листва в их глубоком двореке... Этот оттенок льдистости Бог знает почему еще с первой встречи прочно ассоциировался с Зинаидой – возможно, из-за голубовато-белой, скользкой на вид шелковой блузки, в которой она явилась впервые. А вот ее машина, стоявшая в тот первый день под окнами, была ярко-красная, прямо огненная, вся какая-то круглая, широкая и низкая – совсем, казалось, не подходящая, разве что по контрасту... Машина больше во дворе не стояла, во всяком случае, Сашенька ее не видела – до того единственного дня, когда в октябре вдруг обрушилось в школе неожиданное везение: внезапно заболела русичка, обычно по средам терзавшая их аж два часа кряду, и классу были прощены не только ее два урока, но и заключительный компьютерный, так что Сашенька оказалась дома сразу на три урока раньше, чем обычно, всего лишь в одиннадцать часов неулыбчивого денёка...

Ключ от двери у нее уже год был свой – после того, как закончились младшие классы с муторной продленкой. Открыв их предательски бесшумную дверь, она услышала знакомый грудной голос из гостиной – только он теперь походил не на мурлыканье сытой черной пантеры (если они вообще умеют мурлыкать, как положено кошкам, пусть даже и таким огромным), а на отрывистый лай охрипшей дворняжки:

– ... и не заметить, что порвалась резинка!

«Вот-вот, точно – Зинка-Резинка! – пронеслась у Сашеньки вполне законная мысль. – Из-за какой-то резинки так на человека орать...».

– Между прочим, – раздался раздраженный голос отчима, – я от этого могу еще больше пострадать, чем ты... Откуда мне знать?

– Что?! – загремел уже не лай, а вой. – Да ты что ты себе... – и в этот момент бесшумно в темноте кравшаяся по коридору Сашенька громко споткнулась о неожиданное препятствие, оказавшееся чужим полусапожком на шпильке, и кинулась вперед уже не таясь, сразу услышав, как в комнате помянули черта.

В следующий миг она одним прыжком проскочила мимо настезь распахнутой двери в гостиную, но и этот миг успел мельком показать видение белой-белой голой руки в браслетах, хватающей с дивана нечто воздушно-кружевное... Еще не добежав до своей комнаты, Сашенька уже знала, что Резинка (это имя теперь было присвоено раз и навсегда) находилась в гостиной наедине в Семеном Евгеньевичем – совсем раздетая! Без ничего! И резинка-то, наверное, порвалась у нее... на трусах! Сашенька стремительно закрыла дверь своей комнаты и в непредвиденном изнеможении упала на нее спиной. Вот оно что... Теперь ясно, что они там делали – ребенка! А мама об этом не знает... Сказать? Но что с ней тогда делается! Только на той неделе она из-за единственного волоса такое устроила...

Неделю назад после ужина мама, как обычно, принялась сортировать мужнины исписанные листы, присев на диван и каждый раз устало нагибаясь с него за очередной страницей рукописи. Отчим задумчиво курил у открытой форточки, неопределенно глядя в заоконную непрозрачную тьму. И вдруг, прямо на ровном месте раздался мамин визг, словно она увидела хвостатого грызуна непосредственно у себя на коленях:

– А-а! Это! Длинный! Черный и на подушке! Откуда он там?! Откуда, спрашиваю, а?! Работали, говоришь! Творили! Теперь понятно, чем работали! Что скажешь – не понятно?! Вон!!! – это последнее относилось к перепуганной Сашеньке, сунувшейся было в кабинет на помощь внезапно заголосившей матери; она поспешно ретировалась, успев, однако, углядеть, что меж двух пальцев та зажала не змею двухметроворостую, а всего лишь безобиднейший выющийся волос, толстый и неприятно жесткий на вид.

Но отбежала девочка недалеко – только до двери в коридор, чтоб удобно было за нее спрятаться в случае неотложной надобности, поэтому беспрепятственно услышала:

– Удивлен, что только один. Она три часа сидела вот на этом самом месте за конторкой и читала рукопись.

– А в гостиной она не могла, значит... Читать рукопись... За столом, как все нормальные люди... На подушке, значит, ей непременно надо было читать! – несколько сбавила обороты, но еще не сдалась мама.

– Не знаю... Не знаю! – с обычной интонацией медленно, но надежно заводящегося человека, отозвался отчим. – Где хотела, там и села. Не мог же я ее согнать – как ты это себе представляешь?

– Клянись! Клянись, что не врешь! – после зловещей паузы, во время которой что-то резко и страшно протрещало, вдруг четко и зло выкрикнула мама. – Вот на портрете своей матери клянись! Пусть она в гробу перевернется, если ты... – дверь кабинета мягко закрылась и дальше пошло уже: «Бу-бу-бу... женскую истерику... Бу... Бу...».

Но мать, закрывшись в ванной намертво, под шум воды прорыдала тогда часа четыре – пока Сашенька, уставшая ждать развязку, не заснула с нечищеными зубами...

Если уж из-за волоса, так легко и правдоподобно (как теперь оказалось, лживо насквозь) объясненного, она чуть в уме не повредила, то теперь, когда узнает такое... «Пока подожду, – твердо решила Сашенька. – Ведь ребенка сделать – это быстро. Получит, что хотела, и перестанут. Может, это она сегодня второй раз пришла, чтоб для гарантии он получился, чтоб уж наверняка – и не придет больше. Она ведь про Семена какую-то статью пишет, вот и сказала ему, наверное: я про тебя статью, а ты мне за это – ребенка: у меня мужа нету, а ребеночка хочется... Ну, или как там взрослые, которые не муж и жена, об этом договариваются... Тоже ведь не сразу решишься на такое...».

Как делают детей – это она прекрасно знала, не маленькая ведь уже! – да и видела раз, что уж греха таить. Одноклассница еще прошлой весной затащила ее к себе домой после уроков и, загадочно ухмыляясь, запустила на компьютере диск с голыми дядьками и тетками, которые попарно занимались такими ужасами, что у Сашеньки на некоторое время и вовсе речь отнялась. Но соседка по парте спокойно, по-взрослому, пояснила, что это вот так делают детей, то есть именно таким образом выглядит процесс оплодотворения семечка, которое сидит в животе у женщины и потом вырастает в ребеночка с помощью мужчины, о чем учителька по ОБЖ по-научному рассказывала. От них только скрыли (побоялись, что малыши испугаются), что все это кошмарно больно – вон, как тетки орут, как будто их гестапо пытал...

– А что, нам тоже... Когда мы вырастем, женимся и захотим ребенка... Тоже придется это... делать... – совершенно обескураженная, выдавила Сашенька.

– А куда мы денемся, – подчеркнуто безразлично пожала плечами одноклассница. – Все так делают, и мы будем.

Великолепное безразличие девчонки, как потом догадалась Сашенька, происходило от сознания того, что «в гестапо» ей очутиться предстоит очень нескоро. Еще Сашенька запомнила свой облегченный выдох, когда вдруг она определенно поняла, что мама с отчимом такими гадкими вещами не занимаются, хотя мама, вроде бы, и просила его о ребенке – так почудилось через стену однажды субботней ночью, когда мама что-то долго, за полночь, засиделась в кабинете у отчима после манипуляций с рукописью, а Саша снова пробегала в туалет. Но мама тогда получила холодный исчерпывающий ответ: «Нет уж, извини: в этом вопросе у меня позиция твердокаменная: детей у нас не будет, и давай подобных разговоров не возобновлять...». А Резинке, выходит, согласился помочь: да впрочем, что ему стоило, не ему же больно было, а ей, и денег она у него на ребенка потом потребовать не сможет, ведь он не ее муж... Поэтому маме Сашенька так ничего и не сказала, тем более что аж до самого ноября чужим духом с тех пор в квартире не пахло...

Осенние каникулы, самые нелюбимые из всех за отсутствие нормальных праздников и недостаток света, только что закончились, оставив по себе лишь легкие сожаления. Сашенька провела их, в основном, в своей комнате, у окна, где на широком подоконнике, над желтым колодцем двора, у нее за занавеской была оборудована личная сокровищница. Девочка имела одну занятную особенность психики: она всегда стремилась все, что было в разной степени дорого сердцу, концентрировать в одном месте, чтобы на случай внезапной необходимости иметь под рукой. Под таким случаем в глубине души она всегда понимала неожиданное бегство, очень здраво рассуждая, что в то ненадежное время, в которое ей выпало родиться, ни для кого вовсе не исключается возможность пронзительного ночного звонка (или даже сирены) с последующей паникой, метаниями и психопатическими сборами. В самом углу на подоконнике лежал аккуратно сложенный пакет, куда такой безумной ночью, если она все же наступит, Сашенька рассчитывала одномоментно сгрести все, с чем расставаться не хотелось, и таким образом обрести свой маленький, но гарантированный покой среди обязательного взрослого хаоса.

Все сокровища были строго систематизированы и содержались в отменном порядке, каждое в отдельной круглой жестяной коробке из-под датского или финского печенья. Одна хранила фантики от конфет – но не все подряд, а только прошедшие строгий отбор в смысле необычности и нарядности; другая – разные хорошенькие штуки, обязательно о чем-то напоминавшие: кусочек Балтийского янтаря, осколок пурпурного стекла, фарфоровый львенок с мизинец размером, несколько разноцветных стеклянных шариков, раскрывавших свои тайны только при разглядывании на свет, медная цифра «9», похищенная с двери некогда любимого, но теперь оставившего лишь солнечные воспоминания мальчика; третья содержала «энзе» Сашенькиной косметики, то есть, неначатые тюбики девичьих блесков, пузыречки с розовым лаком, подаренную маме пациенткой, но по цвету не подошедшую ей помаду и пакетик шипучих шариков для ванны... Главные драгоценности торжественно хранились не в простой коробке, а в настоящей шкатулочке «под Палех», и существовали среди них даже розовые бусы из ровного речного жемчуга, и янтарный паук с булабочкой, и четыре золоченых колечка: одно с синим, другое с зеленым, третье с красным, а последнее с тремя сиреневыми камушками – правда, все они были пока Сашеньке немножко велики...

Жила на подоконнике и любимая ее игрушка, старинное елочное украшение: фея из легкого небьющегося стекла в пышном платьице потемневшего за сотню-полторы лет шелка, со смышленным фарфоровым личиком, настоящими волосами – золотистыми локонами, ничуть не утратившими своего блеска и, главное, с двумя хрупкими прозрачными крылышками, сделанными из тончайшей слюды или чего-то похожего, имевшими безупречные серебряные прожилки – а еще носила фея снимающиеся блестящие туфельки на каблуках и с пряжками... В свои почти одиннадцать лет Сашенька понимала, конечно, что ее Аэлита (так она назвала свою маленькую подругу, «слизав» волшебное подходящее имя с корешка взрослой книги из маминского шкафа) – неживая, ничего не понимает, и никогда не посочувствует. Но когда она думала о тех десятках девочек и взрослых дам, что за все эти невообразимо длинные десятилетия прикасались к Аэлите, разговаривали с ней, любили ее и восхищались ею, Сашеньке невольно казалось, будто каждая из них из что-то такое вдохнула в эту небольшую куколку, что она как бы стала полуодушевленной, а значит, не совсем такой, как современные пластмассовые клончики Барби и Синди... Стоять Аэлита не умела, потому что во все суставчики ее были вделаны шарики, чтобы ручки и ножки сгибались, и обречена была вечно либо сидеть, либо висеть, причем последнего ее лишила Сашенька после того, как Валька из соседнего подъезда, увидев Аэлиту, подвешенную для красоты к оконной ручке, вдруг прыснула: «Чего это у тебя – елочная игрушка из-за несчастной любви повесилась?». Тогда пришлось срезать с Аэлитинного затылка круглую петельку, состоявшую из крошечных серебряных шариков, – чтоб действительно не была она похожа на казненную партизанку... Сашенька с Аэлитой не играла – не

знала, как это – а просто ей невыразимо радостно было иногда на нее смотреть и знать, что вот эта прелестная вещица – ее и больше ничья, и все девчонки ей завидуют, в обмен предлагая даже французскую косметичку с тремя отделениями!

Лежали на подоконнике и наиболее любимые Сашенькины книги – например, «А зори здесь тихие...» – она даже с одной из своих Барби или Синди содрала купальник и передела ее в собственноручно сшитую солдатскую форму, решив, что пусть это будет Женя Комелькова, и посадила ее прямо на книгу, иногда перечитываемую... «Детская астрономия» тоже имела, прислоненная к окну и раскрытая на развороте с изображением черной-черной галактики, неодолимо привлекавшей Сашеньку обилием таинственных планет, на каждой из которых гипотетически предполагалась разумная жизнь – и такая же вот Сашенька, только с шестнадцатью, например, щупальцами вместо рук, ничуть не мешавшими ей быть самой красивой в своем классе...

Так что в каникулы было Сашеньке чем заняться, да и скучавшая Валька частенько зазывала ее к себе – и тогда, случалось, смотрели по четыре фильма ужасов в день, заедая их сладкими орешками кешью и быстро опротивевшими чипсами... Каникулы девочки благополучно промаялись, и началу занятий сумели даже смутно обрадоваться... Все бы так и шло – сонно, уныло и благополучно, если бы не Незабудка с ее неугасимой страстью к свободе...

В ту ночь Сашеньке не спалось: она еще не успела как следует утомиться от учебы и ранних подъемов, и поэтому тихо и уютно лежала под розовым пуховым одеяльцем, то плывя словно под водой бытия среди спокойных и бессмысленных образов, то вдруг выныривая на поверхность своей не совсем темной комнаты, где сквозь матовые квадратики на двери мерцало голубоватое мамино бра, не погасшее еще в «светелке»... В очередной раз она вынырнула к себе в комнату от звука мобиляника, неожиданно зазвонившего за стеной, в кабинете отчима. Это и днем-то было событием – обычно Семену звонила только мама – а уж ночью! Сашенька насторожилась, но толстые стены старого здания, как всегда, позволили разобрать только традиционное «Бу. Бу. Бу-бу-бу». Время спустя она услышала, как отчим открывает дверь гостиной и тяжело шагает по коридору по направлению к входной двери. Сашенька села в постели и напряженно прислушалась: так и есть – выходит! Это не сулило ничего хорошего, потому что отчим, не мысливший жизни без длительных прогулок то днем, то ночью в любую погоду, уже несколько раз по рассеянности (а может, и по злему умыслу) выпускал на лестницу неугомонную Незабудку, проводившую большую часть своей коротенькой и в целом бессмысленной жизни, притаившись под вешалкой и карауля входную дверь в надежде, что удастся в очередной раз выскользнуть на улицу и вкусить там от прелестей малодоступной воли или, хотя бы, успеть придушить в подвале сытную бурую крысу. Вот и на этот раз дверь тягуче взвизгнула в открывательном движении – но сколько ни напрягала Сашенька слух, ожидая услышать щелчок, его не последовало, что означало совершенно возмутительную вещь: отчим отправился на свой непонятный «моцион», вовсе не закрыв двери и предоставив таким образом не только Незабудке свободный выход – но и любым грабителям беспрепятственный вход! Это не лезло совсем уже ни в какие ворота, и времени терять было нельзя. Сашенька сунула ноги в свои теплые «зимние» тапочки на бесшумном войлоке и, как была, в байковой пижаме, устремилась в коридор – мимо каменно спавшей под голубым ночником мамы – к отчетливой тусклой щели в конце. Дверь оказалась и правда открытой! Можно было не сомневаться, что Незабудка уже на лестнице и воровато крадется вниз, настороженно втягивая желанный воздух странствий своим трогательным коричнево-бархатным носом.

Простудиться за такой короткий срок Сашенька не боялась и поэтому, проскакивая мимо вешалки, не стала прихватывать с нее на ходу свою красную курточку: вдруг Незабудка добралась уже донизу! С такими мыслями девочка и выскочила за дверь, в первую же секунду убедившись, что кошки на их площадке уже нет, а во вторую – что отчим вовсе не отправился

черпать вдохновение на черных влажных улицах. Его голос ясно доносился с площадки всего лишь этажом ниже:

– ...безумие. Не стоило тебе и приходить сюда.

Ему отвечал резкий, совсем не похожий на обычный, но по некоторым интонациям все же узнанный голос: несомненно, это была она, Резинка, прибежавшая ночью к чужому мужу, с которым делала ребенка – какова, а? Она едва сдерживалась, чтобы не начать орать на Семена, как *тогда*:

– Но у меня выхода нет! Все знакомые – либо общие, либо бабы!

– Не знаю, – то ли сдержанно, то ли раздраженно отвечал Семен. – В любом случае, ни меня, ни ее я впутать в такое не позволю. На твоей – так и быть. Но только здесь – и я иду домой пешком. Там сама справляйся... А вообще-то я и того делать, пожалуй не стану: риск уж очень велик!

– Семен! – шепотом заорала Резинка. – Тогда мы, может, видимся в последний раз! Потому что мою, приметную, если узнают...

– Что ж, в последний, так в последний. У тебя все? Мне холодно,пусти меня, я хочу спать, – уже не скрывая враждебности, громко заговорил Семен.

– Ах, так! – снизу послышалась возня, будто они боролись. – Хорошо же! Я тебе тоже обедню испорчу... Будешь меня помнить... Беленьким хочешь выйти... Чистеньким... А вот я сейчас мышь твою амбарную как позову! Да как расскажу ей про все наше хорошее! И фамилию доктора, который в их же больнице третьего дня чистку делал! Поверит, поверит, не сомневайся... Ишь, чего захотел! Как я его проблемы решаю – так он шелковый... А как мне вот столечко понадобилось... Ай! Идиот! Сволочь! – это последнее прозвучало уже в полный голос, и Сашеньке пришлось в одну секунду взвиться на пролет выше, потому что она отчетливо услышала, как отчим, явно отшвырнув собеседницу к стене, через ступеньку шагает наверх.

Резинка догнала его почти перед дверью, как большой черный бульдог уцепилась ему за рукав и, быстро-быстро проговорила: «Нет-ты-так-просто-от-меня-не-отделаешься...», вдруг с шумом набрала полные легкие воздуха и громовым голосом выкрикнула:

– Эй! Ты! Ка-те-ри... – притаившаяся за лестницей Сашенька как раз выглянула и увидела, что именно в этот миг отчим успел своей огромной ладонью зажать женщине рот и нос.

Одновременно он схватил ее за шкуру и подтащил к стене. По-прежнему не позволяя Резинке ни говорить, ни дышать, хоть она и мычала, упираясь руками ему в грудь, он нагнулся над ней, тихо прорычал:

– Еще раз твякнешь – сдохнешь, поняла? – и только после того отнял руку от ее лица.

Резинка бурно задыхалась, но возражать не посмела. Семен продолжал:

– Значит, так. Я тебе помогу, но эта наша последняя встреча. Чтоб ты после этого проваливалась – и я бы никогда ничего о тебе больше не услышал. С завтрашнего утра мы незнакомы. Все. Жди здесь.

Отпустив свою жертву, он мгновенно скрылся в квартире.

Только после этого Сашенька решила тихо выдохнуть. Сердце ее колотилось так, что ей показалось даже, что она сейчас умрет. Ноги подкашивались. Никаких стройных мыслей в голову не приходило, кроме одной, проскакавшей галопом и канувшей: «Вот это да... Спятели они, что ли, оба...». Но любопытство пересилило, и она вновь с великой осторожностью выглянула из-за верхней лестницы, нагнувшись над перилами – и как раз вовремя, чтобы увидеть уж и вовсе невероятную вещь: Резинка тихонько приоткрыла дверь их квартиры, засунула внутрь руку и принялась осторожно шарить в поисках неизвестно чего. Сашенька заворуженно наблюдала, почти перестав дышать – и увидела, что Резинка вытащила обратно свою руку, но не пустую! В ней оказалась черная мамина сумка, которую мама, возвращаясь домой, всегда вешала на ручку входной двери изнутри. В этой сумке, знала Сашенька, хранилось все-все-все: семейные деньги, ключи, мамины документы и права, косметичка, совсем новый зонтик, лекар-

ства для мамы и частных больных, бланки рецептов, мамина личная печать, даже два золотых колечка в коробочке, снимаемые мамой, когда пальцы от усталости распухали, и надеваемые утром обратно... И вот все это вытянула сейчас из-за двери проклятая Резинка! Только теперь все встало на свои места: Резинка-то, оказывается, попросту воровка! Все очень легко: вошла в доверие, прикинулась другом семьи... Уже, наверное, и из дома что-нибудь украла, только мама пока не хватилась... А напоследок решила стащить сумку, чтоб уж наверняка добыча крупная была... Сейчас тихо-тихо побежит вниз по лестнице, пока Семен не появился... Ну уж дудки – улизнуть-то ей не удастся, надо закричать... Мама услышит... Господи, как страшно... А вдруг она только крикнет – а Резинка ее за это убьет... Очень даже просто... Стукнет головой о стенку пару раз – и мозги наружу... Как же быть...

Но Резинка непонятно почему убежать не собиралась. Она преспокойно стояла под дверью, закинув сумку за плечо и опустив голову, и тоже чего-то ждала... Сашенька решила не торопиться с разоблачениями и подождать того же, чего и Резинка. Девочка разглядела, что одета она была в черную кожаную куртку со светлым мехом вокруг капюшона – точь в точь в точь такую же носила и ее мама. Вот Резинка подняла капюшон, и стало даже страшновато: мамина куртка, мамина сумка, а лица не видно... Дверь снова открылась и пропустила отчима, одетого в свой замечательный английский пуховик, привезенный ему мамой из дальней командировки на какую-то врачебную конференцию. Не глядя на Резинку и ни слова не произнося, он направился вниз, зная, что она поспежит за ним. Так и вышло. Резинка, а вместе с ней и мамина сумка, начали удаляться от изумленной девочки в неизвестном направлении. Она медлила не более секунды. Ведь если и не удастся отобрать мамино достояние у этих опасных и непонятных взрослых, готовых немедленно убить не только ее, мелкую Сашеньку, но и друг друга, то нужно хотя бы знать, куда они собираются, чтобы маме потом легче было направить милицию! И Сашенька, не чуя ног и холода, тоже неслышно заскользила по ступенькам в своих войлочных тапках...

Бесшумно приоткрыв дверь парадной, она выглянула во двор, как всегда, освещенный двумя мутными фонарями, торчавшими с противоположных сторон. Был тот глухой час ночи, когда в домах тускло светится лишь унылый ряд лестничных окон, и только разве случайно горит где-нибудь тревожное бессонное окно... «Пи-пи!» – раздался хорошо знакомый Сашеньке звук, и одновременно вспыхнули рубиновые огоньки на машине. На маминой машине! Час от часу не легче! Резинка, оказывается, уже выудила из сумки ключи и намеревается угнать еще и машину! А свою куда денет? Вон же она, красная, блестит как раз под фонарем на другом конце двора! Почти не думая, что делает, Сашенька шла прямо к маминой «десятке», зная, что у той уже непостижимым образом открылись все четыре дверцы. А те двое меж делом направлялись к роскошной пламенеющей красавице. Открыли эту, а идут к той... Сашенька запуталась совершенно, да и к тому же ощутила реальное неудобство: ее войлочные подметки, попав в ледяную ноябрьскую лужу, мгновенно пропитались холодной водой и теперь отяжелели и хлюпали на ходу. Вернуться назад? Но ведь здесь творится что-то немыслимое! Разбудить маму? Но вдруг они успеют за это время сбежать с сумкой, а потом выпотрошат ее по дороге, выкинут и скажут, что глупой девчонке все приснилось... Сашенька осторожно щелкнула ручкой задней дверцы – щелчок был у нее совсем тихий – и быстро запрыгнула внутрь машины на заднее сиденье. Там, за водительским креслом, еще оставалось огромное зеленое ватное одеяло, которое мама приготовила для отправки в деревню в минувшие выходные, да так и не собралась туда, пролежав с головной болью всю субботу, а воскресенье посвятив любимому Семенову борщу и нежным куриным котлетам... Одеяло было плохо сложено – и Сашенька, послушная мгновенному наитию, забралась под него и, вжавшись в угол, накрылась с головой. Такая она была маленькая и тщедушная, что одеяловый ком на заднем сиденье, если особенно к нему не приглядываться, мог и не выдать запрятанного в нем любопытного

ребенка, тем более что внутреннее зеркало в машине давно уже отсутствовало – попросту оторвалось однажды – и мама привыкла обходиться двумя надежными боковыми...

Девочка осторожно высунулась – но сразу отдернулась и замерла, потому что у передней пассажирской дверцы неожиданно возник Семен. Привычным движением он распахнул дверь и плюхнулся – точно, как когда за руль садилась мама, чтобы везти его по делам или за город. Сам-то он водить не умел и учиться не хотел принципиально – «Я для этого не создан» – и доволен был, что мама у него не только секретарь, но еще и личный водитель. И теперь он так же вальяжно раскинулся, в то время как Резинка молниеносно закинула в багажник что-то гулкое, принесенное из своей машины – пустую канистру, как определила Сашенька. А потом Резинка по-хозяйски – наглость какая! – уселась на место водителя... Сашеньке стало ясно, что сейчас они все куда-то поедут, на миг отчаянно захотелось выскочить и с ревом помчаться вверх по ступенькам к маме, но она подавила свой порыв – не от мужества, а от великого страха: ведь ясно же, что и трех метров ей пробежать теперь не дадут... А поймают – и... Что сделают?!

Машина закряхтела, но не завелась.

– Чертова раскорячка... Она у вас каждый раз так заводится? – остервенелым шепотом спросила Резинка.

Ответа не последовало, но Сашенька знала, что Семен величественно пожал плечом: он всегда так делал, если не желал общаться. Машина заурчала было, но дернулась и заглохла уже надолго. Пытаясь с ней справиться, Резинка ругалась именно теми словами, про которые мама всегда говорила дочери: «Когда услышишь их – сразу же плотно зажми уши». Но здесь Сашенька так не сделала, боясь вдруг пропустить заодно и что-нибудь существенное – и узнала, что:

– В жизни я не сидела в рыдване с механической коробкой! Только в автошколе сто пятьдесят тысяч лет назад! Что тут сначала, блин, сцепление?! Передача первая – эта?

– Понятия не имею. Не интересуюсь, – снизошел, наконец, отчим.

После еще нескольких бесплодных рывков, толчков и подпрыгиваний «десятка» все-таки мученически тронулась и поначалу медленно, но, постепенно дойдя до весьма резвого аллюра, отправилась в кромешную ночь, увозя с собой двух взрослых озлобленных на мир и друг на друга людей и – контрабандой – ничего не понимающего, но уже победившего первый испуг ребенка.

Догадавшись, что визави в беседу с ней вступать не намерен, Резинка тоже замолчала, сосредоточившись на нелегком управлении, а Сашенька ломала голову – включит ли она отопление, потому что, хотя под толстым одеялом ей пока еще и было относительно тепло, но мокрые ноги на полу леденели с ужасающей скоростью. И вдруг отчим заговорил сам:

– Мне только интересно – на хрена ты это сделала?

– Я уже объяснила: там мою красную все вокруг знают. Даже ночью может заметить кто-нибудь. А таких, как эта – воз и маленькая тележка. И никакой связи... – тихо отозвалась Резинка.

– Это я давно понял. Я не о том. Я спрашиваю, своего благодетеля-рогоносца ты зачем к бабке в гости отправила? – перебил Семен.

– Я же говорила, что не отправляла – он сам...

– Говори-говори... – усмехнулся он. – Теперь получишь всю его фирму себе, поставишь управляющего на скромном окладе и будешь только барыши загребать... «Сам» – скажите, пожалуйста!

– Да, сам! – повысила голос она. – Только ведь если и ты мне не веришь, то неужели думаешь, что другие поверят?

– Другие скорее поверят – потому что тебя не знают. А я разобрался немного, что ты за птица, потому и не верю.

– Не веришь и не надо, а только как сказала, так и было... Полез пьяный – дай, ему, гаду... Ага, как же, от него разит как из бочки, потный весь, вонючий, да и мне бы недельку еще побережись... А то кровотечение как раз плюнуть – и опять на кресло. Спасибочки... Как толкану его... Пойди, говорю, проспись, боров... А дальше как в фильме ужасов. Размахнулся кулачищем, да равновесие потерял с пьяных глаз... Я и пикнуть не успела, как он хрястнулся... А у нас знаешь, стол на кухне с крышкой мраморной... Ой, блин, ГАИ, что ли, среди ночи?! – вскрикнула она, инстинктивно давя на тормоз.

– Вот-вот... Здесь и закончится твой путь-дорожка. Имей в виду, это только твои проблемы, я ничего не знаю, – без всякого злорадства, с искренним равнодушием произнес отчим.

– Какой ты все-таки гад... – тихо сказала Резинка через несколько секунд, когда опасность нежелательной встречи миновала.

– Да? Ну, останови, я выйду. Зачем тебе гад? – все с тем же спокойствием отозвался Семен.

– Да ладно, извини, подъезжаем уже... – испугалась не на шутку Резинка.

– Останови, сказал! Я не для того согласился помочь, чтоб меня оскорбляли! Если таково твое отношение, то ищи себе другого помощника! – упирался он, явно никуда выходить не собираясь, а просто наслаждаясь моментом.

Тоже поняв это, Резинка промолчала, и до конца недолгого пути они больше друг с другом не разговаривали. А потом машина снизила скорость, и Сашенька почувствовала, что они куда-то сворачивают. Наконец, остановились – и одновременно открылись и снова хлопнули обе дверцы. С минуту девочка сидела затаившись, потом осторожно высунула голову и осмотрелась. Мамина «десятка» стояла в темном дворе, брате-близнеце их собственного. Сашенька выпуталась из своего одеяла и робко заглянула на переднее сиденье. Так и есть! Мамина сумка лежала на пассажирском месте! Теперь схватить ее и бежать! Нет, нет, стоп, надо еще забрать ключ зажигания, тогда далеко не уедут... Она посмотрела: в замке его не было. Все равно, пусть хоть сумка... Сашенька уже протянула к ней руку, но вдруг отдернула, сраженная простой мыслью: а дальше что? Сейчас она выскочит на ночную улицу в пижаме и мокрых насквозь тапочках... С сумкой в руках... Она где-то далеко от дома – ехали-то минут двадцать, не меньше... В милицию? Но где ее искать в полной темноте? А холод какой! Если в машине дубак – то что на улице?! Воспаление легких обеспечено – и даже мама не спасет... Может, зайти в круглосуточный магазин или ресторан и попросить помощи? Но ведь там – взрослые! – они же никогда ничему не верят... Ладно, пусть не верят, но милицию-то вызовут, а оттуда позвонят домой... Ага, а туда к тому времени вернется Семен, и скажет, что ничего не знает, спокойно, мол, дома спал... Кому из них двоих поверят? И гадать нечего... И получится, что это она, Сашенька, выскочила из дома ночью в пижаме, украв с неизвестной целью мамину сумку, и бегала так по городу... Кошмар какой-то... Девочка заколебалась в полной нерешительности – но тут прямо перед ней распахнулась дверь подъезда, и в ярком прямоугольнике света возникли три черные и страшные фигуры – она едва успела нырнуть к обратно под одеяло. И теперь уже отворили заднюю дверцу!

Сжавшись в беззвучный комок, стараясь, насколько возможно, уменьшиться в размерах, в непроглядной тьме Сашенька слышала бормотание:

– Давай, сажай... Осторожно, свалится на землю – больше не поднимем...

– Знал бы – не ввязался... Гадюка... Чтоб ты сдохла...

– Ну, еще немножко... Знаешь, давай его положим и накроем тем большим одеялом...

Сашенька похолодела, но тотчас успокоилась, потому что прозвучало:

– Дура. Пусть лучше сидит. Вот так. В случае чего так и скажешь – пьяный муж заснул. Ничего необычного, а горой на сиденье могут заинтересоваться... И сумку свою в багажник отнеси: странно, когда две женские сумки рядом... Ладно, все. Мое дело сделано. Я пошел, и чтоб больше...

- Семен, – раздалось в ответ тихое, – неужели мы никогда...
- Да пошла ты... – и назван был адрес, который Сашенька хорошо знала, потому что уши по маминой просьбе зажимала далеко не всегда.

С грохотом захлопнулась дверца, и девочка осталась на заднем сиденье в непосредственной близости к огромной туше, заполонившей все пространство до противоположной двери и неприятно притиснувшей ее к уже обжитому углу. Машина тронулась.

Сашенька попыталась собраться с мыслями и что-нибудь решить, пока никуда не приехали, и пьяный муж Резинки не проснулся и не разделался с ними обеими. А то, что он невозможно, как подзаборный бомж, пьян, сомнений не вызывало: ясно, для чего Резинке нужен был Семен – одной бы ей до машины такого кабана не дотащить, это точно... Господи, куда же она его везет, и почему не на своей машине... К бабке? Нет, к ней она уже кого-то отправила, не его, наверное... А этот у нее что-то попросил, а она не дала из отвращения, потому что он пьяный... Что ж, очень понятно, пьяные всегда отвратительные... Но он непременно хотел получить ту вещь, потому что даже вздумал ударить Резинку – и раньше, наверное, бил, она ведь что-то говорила про кровотечение... Наверное, так бил, что она вся в крови в кресло падала, бедная... Но потерял равновесие и свалился, а она убежала... Ну, он упал и заснул на полу – это уж ясно, алкоголики и на улицах спят, и в канавах... Одно только непонятно было Сашеньке – зачем для перемещения пьяного мужа потребовалась Резинке мамина сумка и машина... Ну, сумка – это, наверное, ради ключей и документов на машину... Точно... А вот сама машина... Как она говорила – «Меня там все знают» – может, ей стыдно, что у нее такой муж-пьяница, ведь она вся из себя шикарная дама, а он ее просто позорит – и людям на глаза не покажешься... Она отвезет его сейчас куда-нибудь, где он выпится и примет человеческий облик, и потом машину поставит обратно в их двор, а сумку вернет... Может, она никакая и не воровка, а просто несчастная баба, как говорит про таких мама... Она к Семену пришла за помощью, а он с ней по-скотски обошелся... Интересно, а муж этот ее всегда плохой или только когда пьяный? Почему он сам ей не захотел ребенка сделать, так что ей пришлось, опять же, Семена просить?

Воспользовавшись тем, что автомобиль теперь шел более или менее ровно по хорошей гладкой дороге (насколько это возможно было при таком неумелом водителе, как Резинка), Сашенька решила все же немножко пошевелиться и чуть-чуть оттолкнуть пьяного дядьку, что ей не больно-то удалось: он был тяжел, как самый большой валун у залива. Девочка выглянула посмелее и обнаружила, что в машине почти совсем темно, не мелькает даже свет городских фонарей. Она спросила себя, когда такое с ней уже было – и сразу вспомнила: ночью ехали они к бабушке с бабушкой по Киевскому шоссе, и она заснула на заднем сиденье, а проснувшись, поняла, что фонарей на улице нет, потому что машина едет далеко за городом... Выходит, и сейчас они уже выехали за город, туда, где нет фонарей и дорога освещается только фарами? Вот что-то огромное прогрохотало мимо – точно, дальнобойка... Куда же везет Резинка мужа, может, на дачу?...

В любом случае, Сашеньке оставалось только устроиться сколько-нибудь удобно и ждать. Она опять нерешительно задвигалась, все еще надеясь хоть чуть-чуть потеснить противного пьяницу – и вдруг ее рука наткнулась на что-то очень холодное. Настолько холодное, что вспомнился куриный трупик, вынутый мамой в воскресенье из холодильника и пошедший на котлеты. Откуда тут курица-то? Сашенька деловито ощупала предмет и поняла, что это никакая не курица, а человеческая рука – рука пьяного дядьки, случайно попавшая к ней под одеяло. Она непроизвольно отдернула свою – и не сразу поняла, отчего вдруг сердце на несколько секунд совершенно остановилось – так, что помутнело перед глазами – а потом запустилось, но с работой не справилось и вновь упало – теперь куда-то в живот – и стало почти таким же холодным, как эта рука... Рука вовсе не пьяного дядьки, а совсем, совсем, совсем мертвого...

Глава вторая

Первая и единственная

Однажды в юности Катя видела, как упал самолет. Она гостила тогда на летних каникулах у подруги по медучилищу, приехавшей учиться в Ленинград из деревни, что прижалась к самой границе Ленинградской области и утонула в болотистых лесах, богатых, однако, хрупкими волнушками и водянистой черникой. Чернику Катя собирать не любила, тяготясь долгим сидением на корточках, но по грибы ходила с подружкой Леной охотно: ей нравилось отыскивать в мокроватом мху розово-полосатые бахромчатые созданыща, словно бы задорно оттуда улыбавшиеся. А потом, в избе, девушки под контролем тети Аллы, Лениной мамы, отмачивали их и подвергали многоступенчатой засолке...

В тот паркий, но бессолнечный день Катя и Лена как раз выбрались с полными корзинами на широкую просеку и, отмахиваясь от прилипчивых кровососов, уселись на двух знакомых пеньках, разложив бутерброды с несколько сомлевшей от тепла «Любительской» на льняной салфетке, расстеленной поверх третьего, большего пня, игравшего благородную роль обеденного стола. Только разлили сладкий брусничный чай из термоса и вознамерились отдать должное такой желанной после трудов праведных трапезе, как одновременно вскрикнули обе: неотвратимо нарастая, приближался с неба грозный рокот, быстро переросший в непереносимый рев... Тогда, в начале восьмидесятых, все ждали неминуемой ядерной войны с Америкой и ежемесячно тренировались, каждый в своем учебном заведении или на рабочем месте, выживать в тяжелых условиях атомной бомбардировки – например, упав лицом вниз на асфальт за бетонным основанием заборчика и закрыв голову руками... Одна и та же мысль пронеслась одновременно в головах остолбеневших девушек: «Вот оно!» – но падать ничком было некуда, потому что вместо заборчика вокруг них расстилалась веселая лужайка, усеянная старыми березовыми пеньками...

Подпрыгнул и опрокинулся термос с чаем, заплясали горячие алюминиевые стаканчики, девушки в панике прижались друг к другу, присели – и прямо у них над головой, так ужасающе низко, что, казалось, сейчас срежет вершины берез на краю просеки, возник беспомощный пассажирский самолет. Промелькнула знакомая и вполне читаемая надпись «Аэрофлот», ряд слепых иллюминаторов (Ленка потом уверяла, что разглядела припавшее изнутри к одному из них чье-то бледное лицо – но, скорей всего, врал) – в секунду самолет миновал открытое место и оказался над деревьями. Было одно мгновение, когда Кате показалось, что он выправится – вроде бы, вздернулся за соснами его отчаянный тупой нос – но потом самолет нырнул и больше уже не показывался. Еще секунд десять он боролся за жизнь – рев его стал уже глухо-надсадным, не зовущим на помощь, а захлебывающимся – и на миг все стихло. А потом девушки все-таки упали лицом вниз – не хуже, чем при ядерном взрыве – потому что за деревьями полыхнуло так ярко и грохот раздался такой немислимый, что им показалось, будто они теперь навсегда останутся глухими и слепыми... Ну, и немыми заодно, потому что после такого вряд ли скоро заговорят...

Когда все стихло – а это произошло не так-то быстро – они нерешительно приподнялись и переглянулись. Голос вернулся сначала к Лене: «Километрах в семи...» – хрипло прошелестела она. Катя кивнула; обеим стало очевидно, что туда по болоту не добраться – да и подумать было страшно о том, что они могли увидеть, если бы, паче чаяния, все-таки добрались. Не сговариваясь, юные медички попятились и, забыв про термос и корзины, помчались восвояси, не разбирая дороги и ловко прыгая по гадючьим кочкам...

В те годы в Советском Союзе была самая передовая техника в мире, и никакой самолет, кроме одного – гагаринского военного – упасть не мог по определению правительства. Поэтому напрасно с замиранием сердца смотрели вечером девчонки программу «Время» – и в тот день,

и на следующий только мирно трудились в огромной дружной стране бронзовые от солнца хлопкоробы, ударными темпами добывали уголь веселые шахтеры в далеком солнечном Донбассе, и в огромном белом зале строгие мужчины в одинаковых пиджаках и галстуках, разбавленные редкими женщинами в светлых кофточках и с высокими прическами, стоя аплодировали старенькому косноязычному дедушке, не отрывавшему близоруких глаз под богатыми бровями от спасительного белого листа...

С того дня, если Кате случалось вдруг задуматься о смерти, первой мыслью всегда было: «Только не так». Потому что очень ясно виделись те люди, которые находились *внутри* самолета – ведь он не упал, а *падал*, выправлялся и опять падал. И они, стало быть, успели несколько раз ужаснуться и зажмуриться, снова зажечься несбыточной надеждой – и вновь все обрывалось, трепетало и опять обрывалось, пока не оборвалось совсем... Как угодно готова была умереть Катя – но не разбиться в самолете! – так и говорила беспрестанно Лене, когда случалось им вместе вспомнить давно пережитое. И все оставшиеся девятнадцать лет их дружбы Лена очень убедительно доказывала: «С нами такого не случится. Мы это все равно что уже пережили. А пуля два раза в одно место не попадает...».

Но она попала – через девятнадцать лет. Так случилось, что в том юбилейном двухтысячном Катя не знала, что Ленка – теперь уже не смешливая студентка медучилища, а солидный врач-отоларинголог – вздумала слетать на недельку в Красноярск к любимому человеку, на чувства которого возлагала запоздалые и неоправданные надежды. Подруга постеснялась ей сообщить о своем сомнительном намерении, зная, как неодобрительно отнесется строгая труженица-Катя к унижительному этому полету. Потому, услышав в «Вестях» об очередном крушении без единого выжившего, Катя лишь привычно содрогнулась, не подумав даже, что отрицаемая ими обеими Судьба, девятнадцать лет назад оплошавшая, все-таки дотянулась в положенный свыше миг до одной из них...

У Лены осталась двухлетняя дочка-безотцовщина по имени Александра, прижитая той намеренно, как водится, «для себя», когда стало ясно, что надежда на полноценное замужество осуществляться не спешит, а грозный термин «старопервородящая» – как раз и отражает самую суть вещей...

Девочка оставалась пока у потрясенных бабушки с дедушкой в той самой унылой деревне среди болот и мшаников, и, когда Катя с заплаканными глазами и болезненной тяжестью в сердце приехала их всех навестить, то была сражена самой простой мыслью, вдруг ясно высветившей очевидное: никакого будущего у этой несмышленной круглой сиротки нет. Ей предстоит расти, как и Ленке, в грязной крестьянской избе – только не с молодыми добрыми отцом и матерью, а с бабкой и дедом – старыми, неопрятными и ворчливыми людьми, трактористом и телятницей на пенсии. Ее миром станет вот эта убогая полупустая деревня с разоренным колхозом за околицей и малярийными лесами вокруг... Лет через пять ей придется в любую погоду бегать за три километра в соседнее село – до куцей двухэтажной школы с печным отоплением и классной руководительницей, у которой пальцы и ногти давно и навеки черные от постоянного крестьянского труда ради хлеба насущного...

– Зачем в село? – удивилась бывшая тетья, а теперь баба Алла. – В райцентре хороший интернат-восьмилетка есть.

– А потом там же в путягу пойдет, сейчас колледж называется, с общагой, само собой, – обнадежил дед Андрей. – А что? На электрогазосварщицу выучится. И очень просто. Не пропадет, не бойся... А нет – так можно будет в соседний район отправить. Там девчат на обувщиц учат, да прям на местной фабрике трудоустраивают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.